

Сборник заканчивается очень небольшим, но интересным этюдом М. М. Максимо-вой «Резные камни».

Как указано в предисловии к рецензируемому сборнику, его публикация была задумана еще до Великой Отечественной войны, и, по-видимому, основная часть статей была тогда же и написана. Опубликован же сборник лишь в 1955 г., и этот длительный срок хранения статей не мог не сказаться на характере публикуемого материала. Многие памятники, открытые и опубликованные в течение последних лет, оказались не затронутыми авторами статей, пользовавшимися главным образом старой литературой. Многие работы, опубликованные еще в 1949—1953 гг., например, статьи В. Д. Блаватского, И. Б. Зеест, И. Т. Кругликовой, Д. Б. Шелова и другие, оказались вне поля зрения авторов.

Надо также отметить значительное количество опечаток, иногда искажающих смысл текста (кроме указанных в списке опечаток, еще на стр. 135, 286, 396 и др.), частые повторения одних и тех же положений в различных статьях, неоднородность сборника (наряду с популярными статьями имеются специальные, наряду со статьями, являющимися систематизацией материала, имеются оригинальные статьи). Почти для всех статей характерна слабая разработанность материалов, относящихся к I—III вв. н. э., тогда как предшествующие периоды освещены более полно.

Несмотря на значительное количество недостатков и недоработок, рецензируемый сборник является интересной и заслуживающей внимания книгой. Большое количество иллюстраций и систематизация обширного материала делают его ценным пособием для студентов-археологов, молодых научных работников и всех интересующихся историей и культурой Северного Причерноморья.

И. Т. Кругликова

«История римской литературы» Под редакцией проф. Н. Ф. Дерзани, М., издательство МГУ, 1954, 543 стр., тираж 5000 экз., цена 7 р. 45 к.

Рецензируемый учебник, несомненно, является дальнейшим шагом вперед в деле марксистской разработки истории римской литературы. Ряд важных вопросов литературного творчества в древнем Риме разработан в учебнике более глубоко и теоретически верно, чем в некоторых прежних наших пособиях по истории античной литературы. Многие учебники часто трактовали римскую литературу только как подражающую греческим образцам, поэтому как литературу второсортную. Авторы рецензируемой книги занимают в данном вопросе более правильные в методологическом отношении позиции. Они подчеркивают творческое освоение римским обществом греческой культуры, указывают, что римские писатели использовали те жанры греческой литературы, в которых лучше всего можно было отразить жизнь Рима, развивали проблемы, поставленные уже ранее греческими писателями, но которые были актуальны и для римского общества. Этот процесс авторами учебника хорошо раскрыт в главах, анализирующих творчество Плавта, Катулла, Вергилия и Горация.

К достоинствам учебника надо отнести освещение роли народа в истории культуры. Авторы уделяют особое внимание анализу творчества прогрессивных поэтов, тесно связанных с плебейскими массами Рима: Невия, Плавта, Лукреция, Ювенала, подробно анализируют фольклорные жанры, мимы и ателланы.

Заслуживает всякого одобрения и стремление авторов учебника раскрыть процесс литературной борьбы в Риме и показать его как отражение в конечном счете борьбы социально-политической. Так, например, борьба неотериков во главе с Катуллом за малые жанры, за принцип «чистого искусства» (стр. 201—204), борьба Тибулла и Проперция за утверждение жанра элегии в учебнике показана как выражение настроений тех римских кругов, которые пострадали от гражданской войны и не смогли найти свое место в складывающемся новом политическом строе.

В борьбе Вергилия за воскрешение героического эпоса (стр. 242—247) авторы учебника видят проявление стремления прославить прошлое, а главное — настоящее Рима как великой державы, возглавляемой принцепсом.

Вопросу об отражении политической борьбы в литературе и искусстве авторы иногда отводят специальные разделы при характеристике эпох, например, в главе «Литература периода принципата» (217—224) есть раздел «Выражение классовой борьбы в литературе» (стр. 222—224), где дан интересный материал о борьбе поэтов, сторонников принципата, за новые жанры, за развитие латинского литературного языка, за все те формы, которые лучше могли бы выразить поставленные жизнью задачи.

Периодизация литературного процесса дается в рецензируемом учебнике по историческим эпохам, причем при анализе каждого исторического периода раскрываются его экономические и социально-политические условия.

Авторы учебника уделяют большое внимание оценке явлений римской литературы русскими писателями и критиками, особенно революционерами-демократами, а также ставят вопрос о связи римской литературы с литературой последующих веков.

Таким образом, учебник по римской литературе, написанный коллективом работников МГУ, несомненно обладает рядом достоинств и в основном написан на достаточно высоком теоретическом уровне.

Учебник не лишен некоторых недостатков. Основным из них является, как нам кажется, упрощенное перенесение ленинского учения о двух культурах в классовом обществе на явления литературного процесса. Авторы учебника в предисловии отмечают, что они учитывают наличие двух культур в каждом классовом обществе и «на этом основании всегда рассматривают процесс развития римской литературы по двум основным линиям — аристократической и демократической» (стр. 4).

Авторы учебника правильно делают, что осуждают теорию «единого потока» при изучении античной литературы, но в анализе римской литературы они, на наш взгляд, упрощенно, догматически проводят ленинское учение о двух культурах.

Все римские писатели разделены в учебнике по политическому признаку на несколько групп: умеренная аристократия — Энний, Пакувий, Стаций, Теренций; консервативная аристократия (сенатская) (стр. 78—82) — Катон; просто аристократическая группа — Акций, Луцилий; республиканская оппозиция — Тит Ливий, Помпей Трог и Лабийон; умеренная оппозиция — Тибул, Проперций, Овидий; аристократическая оппозиция — Сенека, Лукан, Персий, Петроний; демократическая оппозиция — Федр, ателлана, мим; писатели официального направления — Флор, Квинтилиан, Плиний Младший, Фронтон, Марциал, Апулей.

К этой политической оценке авторы учебника сводят объективное значение творчества римских писателей, обесценивая тем самым наследие некоторых выдающихся представителей римской литературы. Например, Луцилий зачислен в группу аристократического направления (стр. 99—106), в учебнике говорится об «узкоклассовой подоплеке» его творчества, о том, что «противоречие между богатством и нищетой... не стало предметом его критики» (стр. 103).

Хотя Луцилий вращался в высших кругах Рима, его творчество было шире, глубже, прогрессивнее его официальной деятельности в кружке Сципиона и Лелия. Фактически сами авторы учебника при рассмотрении сатир Луцилия вынуждены впасть в противоречие со своей оценкой его творчества, указывая, что «Луцилий возмущался тем, что „золото и честолюбие“ стали служить „показателем добродетели“, деньги превратились в мерило ценности человека, что господствует принцип: „Сколько имеешь — столько и сам стоишь и за столько тебя ценят“» (стр. 102). Идеи сатир Луцилия, изложенные в учебнике, как-то не вяжутся с представлением о нем, как о тенденциозном аристократическом поэте.

С позиций упрощенного понимания ленинского учения о двух культурах авторы учебника подошли и к творчеству Марциала. Этот эпиграмматист, судя по оглавлению, причислен к писателям официального направления. При анализе же творчества поэта авторы учебника почувствовали неловкость такой этикетки и внесли оговорку о про-

творческой его творчества, не позволяющей «отнести Марциала ни к официальной, ни к оппозиционной литературе». А между тем, в противовес этим словам, авторы все же отнесли Марциала к поэтам официального направления и этим обеднили ценность творчества талантливого поэта.

Вследствие стремления авторов учебника отнести римских писателей к тем или иным политическим группировкам Овидий (стр. 306—326) вместе с Тибуллом и Проперцием зачислен в группу умеренных оппозиционеров. Анализируя «Метаморфозы» Овидия, авторы пишут о подобострастии Овидия к Августу, что являлось «отражением возникающего в Риме нового отношения к государственной власти» (стр. 316), и отмечают, что «политическая тенденция Овидия не имела в себе даже той относительной прогрессивности, которая содержалась в творчестве Вергилия и Горация». Где же тут оппозиция против императорской власти? Таким образом, в оценке Овидия у авторов учебника не сведены концы с концами.

Нельзя упрощенно подходить к творчеству писателей и оценивать его значение только на основании их личных высказываний по тем или иным политическим вопросам, так как творчество некоторых писателей нередко значительно шире и глубже их политических тенденций. Так, например, Овидий, несмотря на свое, может быть, вынужденное славословие в честь Августа, несомненно, выступает в своем творчестве как передовой человек своего времени, любивший жизнь и умевший изобразить современного ему человека, хотя и пользуясь для этого образами греческого мифа.

Эний причислен авторами учебника к умеренным аристократам, но и здесь опора суждений об аристократизме Эния состоит главным образом в чисто биографических связях писателя с кружком Сципиона. Между тем просветительский характер творчества этого писателя, критическое отношение к религии, к жрецам вряд ли позволяет трактовать его творчество как аристократическое.

Цецилий в учебнике отнесен к умеренным аристократам, но в изложении литературной деятельности этого писателя нет конкретных данных для такой оценки.

Учебник по римской литературе, созданный под общей редакцией проф. Н. Ф. Дератани, не избежал одного недостатка, характерного для многих наших учебников и даже для научных литературоведческих работ. Этот недостаток заключается в отрыве формы от содержания при анализе творчества писателей.

Авторы учебника добросовестно анализируют идейное содержание, проблематику произведений римских писателей, а форму этих произведений рассматривают как нечто дополнительное, вне ее органического единства с содержанием.

Авторы учебника умеют показать, что хотел сказать писатель своим читателям или зрителям, какие идеи он им несет, но они не везде анализируют то, как он сумел через образы, при помощи художественных средств выразить эти идеи. В учебнике анализ формы, т. е. структуры образов, композиции, языка писателя, дается иногда даже «оптом», в аспекте всего творчества писателя. А это совсем не приемлемо в отношении поэтов, которые прошли сложный и долгий творческий путь и создали произведения разных жанров. Так, разве можно говорить о языке и стиле Овидия вообще, как это делают авторы в небольшой главе «Язык и стиль Овидия» (стр. 324), когда стиль и язык остроумной шутильной поэмы «Наука любви» совсем не те, что стиль «Печальных элегий» или «Метаморфоз»? В этой главе читатель не найдет ничего, кроме общих фраз о том, что «Овидий — большой мастер слова», что «он умеет использовать богатство языка, пользуется звукописью, любит аллитерации». Такую же точно характеристику можно применить и к Катутллу, и к Вергилию, и к Горацию, да и ко многим мастерам художественного слова древнего Рима.

При анализе творчества некоторых писателей авторы отрывают вопрос о художественном мастерстве от вопроса о языке и ритме. Например, в главе о Марциале имеются два отдельных раздела: «Художественное мастерство Марциала» и «Язык и стих эпиграмм Марциала», как будто язык и ритм не являются основными средствами художественного мастерства.

При разборе романа Петрония «Сатирикон» сначала анализируется его стиль и язык, а потом отдельно дается маленькая глава «Реализм романа», тогда как реализм

Петрония и заключается в его стиле, который выражается и в образах, и в композиции, и в языке.

При анализе стиля и языка римских писателей авторы учебника почти всегда дают не цитаты из произведений, а лишь цифрами отсылают читателя к той или иной строфе или своими словами передают содержание этих цитат. Это придает сухость изложению материала и абстрактность положениям авторов.

Считаем необходимым сказать о некоторых более частных недостатках учебника.

В главе «Древнейшая литература эпохи становления римского рабовладельческого государства» дается материал, который совсем не соответствует названию главы: разбираются трудовые песни, религиозные гимны, востольные песни (стр. 21—23), которые существовали задолго до появления первых признаков рабовладельческой формации и государства.

Вопреки утверждению авторов учебника, латинский язык не «распался» механически на романские языки (стр. 10), а послужил основой для их образования. Вызывает полное недоумение следующий абзац на стр. 206: «В личной инвективе Катулл близок к присущим фольклору злобным нападкам и, как уже указывалось, тоже не поднимается до обобщений и рассуждений. В связи с этим и язык мелких стихотворений имеет ряд особенностей, указывающих на единство формы и содержания. Здесь нет ярких описаний, язык конкретен и небогат». Прежде всего здесь выражен неверный взгляд на всякий фольклор, в том числе и на римский. Только мало зная фольклор, можно утверждать, что ему «присущи злобные нападки», «которые не поднимаются до обобщений и рассуждений». Хорошо известно, что в лучших фольклорных произведениях народ дал образы самой жизни, поднимающиеся до ярких обобщений. Неправы авторы и в оценке языка сатирических эпиграмм Катулла: язык их живой, меткий и в отношении словаря богатый. Трудно было бы ожидать «описаний и рассуждений» в сатирических стихотворениях, где на первом плане — выражение чувств поэта, клеймящего язык общества.

При расположении материала раздел об ателлане и миме следовало поместить до главы о творчестве Плавта, поскольку комедии этого плебейского драматурга теснейшим образом связаны с ателланой, выросли на ее базе.

Плохо составлено оглавление учебника. В нем даются лишь названия тех политических группировок, на которые авторы учебника разделили всех римских поэтов, но отсутствуют имена писателей: читателю, чтобы найти материал о том или ином писателе, надо перелистать всю книгу.

В учебнике слишком мало иллюстраций, а подбор их не совсем удачен. В иллюстрациях слабо представлены как раз те области искусства, которые, по указанию авторов учебника (стр. 12), достигли в древнем Риме наиболее высокого развития: архитектура и портретная скульптура.

В целом рецензируемый учебник, хотя он и не лишен некоторых недостатков, из которых одни являются более существенными, а другие мелкими и легко исправимыми, является ценным для студентов, так как материал дан в основном с правильных методологических позиций и изложен простым и ясным литературным языком.

А. Ф. Лосев, Н. А. Тимофеева

ЛУКИАН, Избранные атеистические произведения, редакция и вводная статья А. П. Каждана, М., Издательство АН СССР, 1955, 335 стр., тираж 10 000 экз., цена 12 р. 80 к.

Еще в начале 1922 г. В. И. Ленин указывал на необходимость переводить и широко издавать «боевую атеистическую литературу конца XVIII века»¹. По существу ленинское указание относится ко всем лучшим произведениям мировой атеистической мысли. В этой связи особого одобрения заслуживает инициатива Института истории Академии наук СССР, приступившего к изданию «Научно-атеистической библиотеки».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 203.